

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дороже
ЖИЗНИ

ДАНА СТАР

Дана Стар

Дороже жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48450444

SelfPub; 2019

Аннотация

Ему плевать на всё. Он живёт в кайф, от души наслаждаясь беззаботной жизнью, разбрасываясь деньгами папочки-олигарха направо и налево. Но как повернётся его судьба, если в один миг он, находясь в алкогольном опьянении за рулём, совершит страшный поступок? Искалечит жизнь невинному человеку... Девушке. Которая по его вине станет на всю жизнь прикована к инвалидному креслу, у которой он отнимет всё. Её надежду, её мечты, её будущее. А сам... сам скроется с места преступления. DemianСодержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глава 1

– Да ты просто жалкий кусок навоза!

– Ну д-да... весь в тебя. К-как там говорить, яблоко от яблони или... ХЗ короче, ну ты понял смы...

– Грязный щенок! Да как ты смеешь?! – не успел я переступить порог отцовского кабинета, как сразу же получил жгучую оплеуху, от которой голова дёрнулась набекрень, а шея противно хрустнула.

Чертов мудака.

Детей ведь нельзя бить!

– А детей б-бить, между прочим... – выдавил ехидную ухмылку, одной рукой вцепился в плечо отца, а другой – рефлекторно схватился за сочное вымя Маши. Или Даши? Забыл, как там её звать. Мою новую шлюху на сегодняшний вечер. Эмм... Да не важно. Пусть хоть Саша! Как захочу, так и буду называть. Ей вообще пофиг. Ещё одну сотку в трусы очередной Барби, и она для меня хоть наголо побреется, хоть в зелёный покрасится. Сегодня я барин. А она – моя игрушка. За которую немало хрустящих отвалил, между прочим. Пусть порадует, девочка, может новый нос себе сделает.

– Ты что творишь? Да как ты смеешь?! – Отец вцепился в воротник моей кожаной куртки и хорошенько встряхнул. – Ни совести, ни уважения! Где тачка?!

Он тряс меня так, как дети обычно трясут фарфоровую копилку, когда загораются сумасшедшим желанием купить новую «погремушку», а я лишь смеялся, потому был в стельку пьян. От этой нещадной тряски даже башка разболелась.

Не удивительно!

После третьей аварии за месяц, у меня, наверно, точно сотрясение.

– Всмятку т-тачка твоя, – дыхнул перегаром, продолжая издеваться, – Хлам, а не тачка! Дерьмо. Не мог п-получше любимому отпрыску к-купить? Или настолько ты оцениваешь наше с тобой общение? Точнее, его нехватку.

– Заткнись! – Ещё один шлепок по физиономии, и я вмиг протрезвел. Не устоял на ногах, так и впечатался носом в пол, а подружка моя, силиконовая, сверху навалилась.

– Сергей! Не надо! – Тут, конечно же, мама прибежала, да на защиту единственного дитяти бросилась. – Держи себя в руках.

– Кааак? Как держать! Третью! Третью тачку за месяц, в пыль! – Отец схватился за голову. Вырвал клочок седых прядей. Затем плеснул себе в стакан коньяку с валерианкой и залпом выпил.

Охнув, мама упала передо мной на колени, положила мне руку на скулу, и вскрикнула, так как увидела огромный синяк и кровоточащую рану на лбу, после сегодняшней нелегальной гонки. Неудачной, блин.

Да. Тачку вообще-то жалко. Полностью в хлам. Занесло

меня, не справился, млять, с управлением. Прямая дорога на свалку моей пятой, по счёту, «Феррари».

– Сыночек... – С жалостью в глазах, она гладит меня по щеке, даже на обращает внимание на полуголую путану, стоящую рядом. Да просто привыкли уже. Знают, что когда уезжают в отпуск, я в их доме в каждой спальне по шлюхе деру. Это не новость. Мягкосердечные они у меня очень. Любят и прощают. Потому что интуитивно чувствуют вину. Что мы с ними только по праздникам видимся. А все остальное время меня нянечки воспитывают. Раньше, когда мне было пять лет, я из этих нянечек верёвки вил, ну а сейчас, в двадцать три, трахаю как кроликов. А чё! В этом возрасте обучение на дому стало более интересным.

– Не трогай его, Маргарита! Сил больше нет... Не наш это сын. Ясно! Не наш!

Господи. Как же стыдно. Сейчас начнётся. Сначала на меня орут, затем друг на друга переключаются. Сваливать пора.

В махровом халате и с косметической маской на лице из золота, она вновь принялась унижаться, вымаливая за мою непутевую задницу доброе словечко. А сама рукой втихаря машет, мол иди давай, я всё порешаю.

Пошатываясь, я поднимаюсь с пола. Хватаю Машку за ягодицы, та мне помогает – придерживает за поясницу, пока я, раскачивалась из стороны в сторону от угара, ковыляю прочь из этой дурки. Семейный конфликт начинает набирать обороты. Сейчас они погрызутся как собаки бешеные, затем

мать к любовнику побежит, а отец свою секретаршу в кабинете напяливать будет.

Пусть не удивляются, в кого я таким мудаком уродился.
Достали.

Похер вообще!

У меня ещё одна «колымага» осталась. Отец на днюху собирался подарить, но я раньше об этом узнал. Расслабиться нужно. Забыться! В клуб поеду. Сейчас только одна надежда – на выпивку, тёлочку и порошок.

Затолкал Машку на переднее сидение новенькой «Мазератти», вырулил из гаража и быстро покинул главные ворота нашей «скромной» резиденции.

– Малыш, ну ты это... они же твои предки. Помирись. Не расстраивайся. Это называется воспитание.

Рассмеялся. Настолько громко, что чуть было не задохнулся от собственного смеха.

Вот это новость!

Шлюха решила поумничать, прикинувшись психотерапевтом.

А чё, оригинально! Никогда ещё такие болтливые не попадались.

Эта давалка, наверно, какая-то неправильная. Слегка поломанная.

Разозлила меня ещё больше. Да просто бесит, когда кто-то начинает лезть ко мне в душу своими сопливыми утеше-

ниями.

– Заткнись и соси! Твоё дело не лясы точить, а ртом работать. Я тебе не за это деньги плачу, сучка. Если бы мне нужен был психолог, или в жилетку поплакаться, я бы сказал. Поняла?!

– Я просто в общем... я это... На психолога выучилась. Думала, может поддержать? – Обиженно надула свои утиные губища, носом шмыгнула.

– И какого хера тогда ты вырядилась как проститутка, психолог, ёпт? – на последнем слове я перекривлял грудастую блондинку, – Или у тебя свой подход? Особенный? Шлюшечьий? Эдакая часть шоу? – Дрожащими руками вытащил сигаретку из кармана, закурил, притормозив на выезде из Рублёвки.

– Просто не сложилось... – голову в пол опустила. Обиделась.

Да и пофиг вообще! На неё, на отца, и на всех пофиг! Жизнь одна, другой не будет. Пошлю всех куда подальше и буду наслаждаться, как будто в последний раз.

– Ладно, замолкни. Напрягаешь. Не за это плачу. – По бедру со всей дури девку шлёпнул, а она вздрогнула. – Лучшее средство от депрессии – отпадный минет. Давай, приступай. Да начнётся сеанс «психотерапии», млять! – Быстро клацнул пряжкой ремня, за волосы эту шлюху умную-разумную схватил и на член до самого упора ртом насадил, а сам – педаль газа в пол, сигарету в зубы, коньяк в топку и лихачу, так, что

пыль позади вихрем стелется.

Тачка утробно зарычала, и мы сорвались с места, на бешеной скорости выруливая на просторную трассу с закрытого посёлка для мажоров.

Чёрт. Последняя бутылка оказалась явно лишней. Да ещё и эта травка палёная! Я словно провалился в глубокий транс. Ну хоть морально отпустило. На душе так охерительно стало! Легко, беззаботно, кайфово.

Машка усердно ртом работала, весело причмокивала, умело полируя языком мой каменный причиндал, острым колом выпирающий из приспущенных штанов, а я до последней капли пойлом закидывался, горланя во все гланды рэп из мощной акустической системы.

Ещё громче музон сделал. Ещё одна затяжка. Ещё один жгучий глоток фирменного «Дэниелса». Разгоняюсь на максимум. Мотор урчит, шлюха уже на всю длину насаживается. Как же хорошо, млять. Вот это жизнь! Вот это я понимаю расслабуха! И пошло оно всё. Молодость рулит!

Секунда до оргазма, меня нереально вставляет. В глазах мигают чёрные пятна, тело дрожит, каменеет, а в паху взрывается атомная бомба. Я кричу, дрожу, матерюсь, и даже не замечаю, как отпускаю руль, а вот педаль... педаль, наоборот, сильнее вдавливаю в пол.

Всё становится неважным. Кроме себя, любимого.

Да, я эгоист. Но я такой, какой есть. Таким меня предки

воспитали.

Забывая на хрен обо всём на свете, я кончаю в глотку своего «персонального» психолога. И обмякаю.

Как вдруг...

Сильный удар некого предмета о металл снова возвращает меня в жуткую реальность.

Быстро даю по тормозам, выкручиваю руль в сторону обочины и слышу истерический крик.

Проклятье!

Что?

Что это было?!

Я настолько сильно растворился в нирване, что даже не заметил, как начался ливень. Дождь хлынул будто из ведра. Резко и неожиданно.

– Боже! Боже! Божееее! Денис! Дениииис! – верещала Маша, тыча пальцами в лобовое стекло автомобиля, которое отчего то сплошь покрылось жуткими трещинами.

Нечто со всей мощи упало на капот.

Хлопок.

Удар.

И мир словно перевернулся вверх тормашками.

На секунду, во время удара, я успел увидеть лишь тёмную фигуру и светлые волосы, размётанные по стеклу. А затем это что-то исчезло.

Видимо, ударной волной, его просто отбросило на асфальт.

– ДЕНИС, ДЕНИС, ДЕНИИС! Мы что, м-мы человека сбили?

– Не знаю! Не знаю я, бл*ть! Заткнись! И дай мне прийти в себя!

На ватных ногах, я осторожно выхожу из машины. Взгляд на капот – весь перед практически всмятку, а стекло, как паутина.

Твою ж мать!

Дождь безжалостно лупит меня по лицу, слепит глаза, поэтому я не сразу вижу одинокий силуэт, лежащий в шаге от захудалой остановки.

Никого. На улице больше ни души. Лишь та фигура. Фигура девушки, с длинными, светло-русыми волосами, сплошь измазанная красной жидкостью.

Это невозможно.

Я просто сплю.

Откуда она вообще тут взялась?

Быстро прыгаю обратно в машину, пристегиваюсь, включаю заднюю передачу, сдаю назад и выкручиваю руль в обратную сторону.

– Что там? Что там? – визжит эта дура грёбанная.

С психу херачу кулаками по рулю, а затем со злости отवेशиваю пощёчину вопящей лахудре.

Сосалка замолкает. Лишь тихонько всхлипывает, забившись в угол между дверью и сиденьем.

– Я человека сбил. Насмерть, кажется.

Глава 2

Через пятнадцать минут мы уже были за городом.

Я знал, что нужно сделать. В первую очередь, избавиться от тачки.

Бл*ть!

Если батя узнает... он меня точно живьём в бетоне закатает, как своих должников в новом загородном «Спа центре».

Сначала я свернул на просёлочную дорогу, затем в лес. Гнал на бешеной скорости. Днище автомобиля полностью счесал о валуны, пришлось по полю гнать, к оврагу.

Но что толку-то? Этой тачке тоже конец.

Маша снова завизжала, когда мы выскочили из рощи, к оврагу.

И снова, естественно, по щам получила.

В полуметре от обрыва, я успел нажать на тормоз.

– Выметайся! Быстро! – из машины выпрыгнул, к девчонке побежал.

Но она будто в статую превратилась. Сидит и не двигается. Лишь в одну точку смотрит. В шоке, наверно.

– От тачки избавиться надо! Слышишь?! Ты что, тоже содохнуть хочешь? Так я тебе это устрою! Проваливай! – заорал, рывком её из машины выдернул, швырнул в траву. Несколько кувырков, проститутка исчезла в кустах.

Я снова завёл двигатель, подпёр педаль веткой и, со слезами на глазах, пустил в обрыв свой новенький подарок. До этого момента, открутил номера, чтобы потом закопать где-нибудь, по дороге домой.

Твою мать. Это же надо было так вляпаться!

Теперь нужно разобраться со свидетелем.

За горло Машу хватаю, со всей дури спиной впечатываю в дерево. Сжимаю её тощую шею настолько сильно, что она начинает хрипеть, а у меня от злости и напряжения белеют костяшки:

– Только пикни, и я тебе шею сверну. А потом вслед за тачкой в вечный полет отправлю! Усекла?

Быстро-быстро башкой своей безмозглой кивает, навзрыд рыдает, так, что тушь по всему лицу размазалась, сделав её похожей на уродливую панду.

– Я не шучу, Маша. Или Даша! К черту, как тебя там? Неважно... Узнаю – башку оторву на хрен! Теперь вали. Вали, пока не передумал. А это, за молчание. – Грубо толкаю шлюху в сторону, швыряю напоследок приличную стопку зелени. – Спасибо за минет. Сосалка из тебя куда более крутая, чем психолог.

Несколько часов я тупо брёл по пустынной трассе. Сигареты давно кончились, поэтому я засунул в рот ветку и жевал, потому что до сих пор не мог успокоиться. Руки трясутся, а сердце тарбанит где-то в ушах. Так паршиво я себя ещё

никогда не чувствовал.

Это полный мандец.

Я ведь человека сбил!

Сбил!

И... кажется насмерть.

От такого удара вряд ли кто выживет.

Девушка. Молодая, вроде бы.

Сука!

Батя был прав. Прав!

Я не человек.

Я просто дерьмо ходячее.

Домой я вернулся только под утро. Первым делом, выпил несколько таблеток успокоительного, потому что руки, как у хронического эпилептика, дрожали до адского треска в суставах.

На диван завалился, телек включил, чтобы хоть как-то отвлечься – сон, чтоб его, не шёл ни в какую. Мда... теперь, наверно, ещё долго спать нормально не смогу. Всё время об этой девушке думаю. Мерещиться она мне. Всюду. А засыпать вообще боюсь. Того гляди, во сне призраком ко мне явится и душу всю до дыр выпотрошит.

Господи.

Какой же я всё-таки трус.

Урод, нелюдь, кретин конченный!

Почему мне не хватило смелости хотя бы в скорую позво-

нить?

Запаниковал. Просто нервы сдали. Но я, правда, не хотел... Впал в какой-то мощный аффект. Даже не помню половины происходящего. Как будто эта страшная авария, мне просто приснилась.

Внезапно, мысли резко испарились, а сердце забилося на пределе, когда я увидел по ящику утренний выпуск новостей. Точнее, ту самую вчерашнюю остановку. Рядом с которой стояла скорая с мигалками, полиция и туча незнакомых людей. Всё они что-то между собой выясняли. А затем вдруг, кадр переключился на девушку. На девушку, с длинными светло-русыми волосами, которую медики сначала откачивали, делая массаж сердца, а затем на носилках быстро погрузили в машину скорой помощи.

Я узнал её.

И на миг забыл, как дышать.

Молодая. Лет двадцать, примерно. Красивая. В изодранной одежде и вся в крови. Глаза закрыты. Грудь не колыхается.

О, Боже!

Нет!

Затем женщину какую-то показали. До этого, я не слышал, что там дикторша говорила. А все, что слышал – противный звон в ушах и чувствовал сильный мандраж во всём теле.

На экране появилась немолодая женщина, бледная, как

мел, с платком в руках. Она истерически рыдала, вытирала слезы и пыталась что-то сказать зрителям. Я услышал лишь часть рассказа. После её монолога, мне захотелось просто выпрыгнуть из окна:

– Анечка... она... она сирота... Днём на заводе по производству игрушек работала, а по вечерам – волонтером в нашем детском доме. С детишками каждый вечер приходила играть, игрушки им дарила, которые сама собирала. А ещё Анечка балериной мечтала стать. Господи! Горе-то какое! Ни за что девочку... Тварь поганая! Она же такая молодая, такая добрая! Нет у таких монстров сердца... Будь они трижды прокляты. Убийца! Если ты смотришь это обращение – ты трус! Подлый трус! Ты ничтожество! Сбить и смыться... Нелюдь.

Быстро выключаю телек, хватаю со стола вазу, и в стену со всей ярости швыряю, задыхаясь от накатывающей истерики.

– Ничего не хочешь рассказать? Где твоя новая машина?

Столбенею. Когда позади себя слышу грозный голос отца.

– Угнали. – Выплюнул первое, что взбрело голову.

– Не ври мне, Денис! Я тебя насквозь вижу.

– Я же сказал. Угнали.

– Ладно, все равно выясню. Тебе уже двадцать три. Мы слишком с тобой возимся. Мы тебя разбаловали. Отныне, сам будешь зарабатывать себе на хлеб.

Отец вошёл в комнату, а я кулаки крепко сжал, злясь то ли на него, то ли на себя, то ли на, суку судьбу проклятую.

Дыхание тяжёлое, рваное, как у быка перед родео. Боюсь повернуться лицом к отцу, в глаза его строгие взглянуть боюсь, признав собственную поражение, собственную немощность и ничтожность. Узнал бы, что я только что натворил. По глазам бы узнал. Сейчас там сплошная тьма и пустота.

– Ты прикалываешься? – я наигранно расхохотался, напялив на лицо привычную маску пофигиста-разгильдяя.

– Нет. С завтрашнего дня будешь работать в реабилитационном центре для инвалидов. Ты станешь отличным примером для других юношей. Пусть все знают, какого сына воспитал Сергей Фролов, кандидат на пост мэра грядущего года. Докажи людям, что ты не кусок навоза. Что ты достойная личность. Начни, в конце концов, думать мозгами и действовать сердцем, а не членом!

– Ах-ха-ха! – Вот тут уже меня реально накрыло.

Судьба моя, ты чё там, совсем рехнулась?

Ты что творишь?

Уж лучше сразу нож в глотку.

А ещё... лучше бы я просто разбился на хрен. Вместе с машиной на последней финальной гонке.

– Ты что обкурился? Чего ржёшь, как бабуин? Зачем вазу разбил?

Замолчал. Уже стало не до смеха. Голову в пол опустил, принявшись переваривать смысл услышанного.

– Если откажешься – будешь жить на вокзале. Я всё у тебя отберу, понял?! Ровно год. Год ты будешь работать в этом

центре и жить в общежитии для малоимущих. С этого момента, от нас с матерью больше не получишь ни копейки.

– Да что ты? Ты не можешь так поступить!

Всё-таки я обернулся, решив высказать всё до последнего, но отец, гордо вздёрнув подбородок, стряхнув с идеально отутюженного смокинга несуществующие пылинки, зашагал прочь, напоследок добавив:

– Разговор окончен.

Я стоял напротив серого, невзрачного здания, не решаясь зайти внутрь, наблюдая за тем, как к парадному входу каждые десять минут подъезжают автомобили скорой помощи.

Если существует ад на земле – то он начинается тут.

Делать было нечего, пришлось принять волю отца. Кушать ведь хотелось. Этот старый осёл, все мои шмотки из последней коллекции вывез в церковь, а остальные – прямо во дворе нашей усадьбы демонстративно спалил.

Вот и всё. Мой отец меня просто выгнал. Приказал своим амбалам вышвырнуть меня за ворота и даже близко к усадьбе не подпускать.

Не ближе, чем на расстояние пушечного выстрела.

Я начал работать в государственном центре для тяжелобольных и инвалидов через неделю после того жуткого вечера, когда, находясь за рулем в алкогольном опьянении, сбил ни в чём не повинную девушку. Не знаю, что с ней. Жива,

или нет? Мне просто стыдно об этом узнать. Я не могу! Я трус. Трус и ублюдок, каких только ещё поискать нужно.

Первое время кантовался на вокзале. Несколько раз даже подрался с бомжами за картонку. Писец просто. Дожили, бл*ть.

Из рая, в ад. Без предупреждения, называется.

Это было тем ещё долбанным испытанием. Настоящим вселенским потрясением. Даже лучшие друзья отказались мне помогать. Батя и с ними неплохо поработал. В конце концов, я решил сплясать под дудку олигарха, выполнить все его грёбанные условия. Других вариантов попросту не было.

Отправился в этот чёртов центр. Там меня, благо, встретили как героя. Только вот я был очень голодным. Умял две тарелки какой-то непонятной похлёбки. Ммм, это было так вкусноооо! Не то, что протухшие объедки в мусорных бочках возле ресторанов, за которые пришлось сражаться со сворой бродячих собак.

После того, как я начал работать в этой калечной психушке, мама вдруг объявилась. Втихаря, естественно. Через нянечку подкинула денег на квартиру. Правда, хватило только на сраную однушку в покоцанной хрущевке.

– Ну что, Денис. Спасибо тебе большое за желание поработать!

– Да уж, – процедил сквозь стиснутые зубы, после обеда, в ожидании первых указаний заведующей, а сам, в этот мо-

мент, на руки свои ужасные уставился, сплошь усыпанные порезами, трещинами, с грязью под ногтями, и меня передёрнуло от ужаса.

Видели бы друзья мой новый «style», оборжались бы от позора.

Боже, в кого я только превратился? Прощайте ежедневные «спа салоны», маникюр, педикюр, безлимитная карта в стрип-клуб. Теперь, я настоящий ходячий мешок с грязью.

Вонючей грязью.

Неделю, наверно, не мылся.

Рядом со мной, даже пролетающие мимо мухи, дохнут.

– Идём, покажу за кем будешь ухаживать.

Наталья Степановна, заведующая реабилитационным центром, любезно повела меня на персональную каторгу чёрными, обшарпанными коридорами, от которых голова шла кругом, а ноги сами по себе бежали к выходу. К тому же, из многочисленных дверей центра, струились не самые приятные запахи, и, доводящие до ужаса, душераздирающие вопли.

Наталья увидела насколько сильно я побледнел. Она решила поддержать меня добрым словом:

– Не бойся. Привыкнешь. У нас тут не Рублёвка, конечно, но и не колония строгого режима. Проходи. Твой пациент находится в палате номер пятьдесят девять.

Что мне нужно было ещё для полного «счастья»?

Ну конечно же это...

Мне выдали одежду санитаря, и я с абсолютной неуверенностью, вошёл в палату под номером пятьдесят девять.

Дряхлая дверь противно скрипнула. Первое, что я увидел – девушку. В кислородной маске. Без малейших движений лежащую в постели.

В комнате было темно. Сначала я её не узнал. А когда подошёл ближе – у меня ноги от шока подкосились. Хорошо, что я вовремя успел ухватиться за стену.

– Это Анечка. Её машина недавно сбила. У девушки очень серьёзная травма.

Каждое слово заведующей, будто острым скальпелем, безжалостно втыкалось в моё сердце. И резало, резало, резало!

На живую. Без наркоза. Без капли жалости.

– Пациентка уже приходила в себя, но всего на пару минут. Я позову нянечку, она расскажет тебе, что ты будешь делать.

Наталья ещё что-то возбуждённо рассказывала, проверяя данные приборов, но я не слушал. Окружающий мир для меня навечно погряз во тьме.

– Спасибо, Денис. Ты очень хороший парень. – Хлопнула меня по плечу, а мне головой об стену с разбегу захотелось впечататься. – У нас катастрофически не хватает работников. А кто же за такими пострадавшими будет ухаживать? Аня теперь вряд ли будет ходить. У девочки тяжёлые переломы. Бедняжка... Самое ужасное, что преступника так и не нашли. Никакой информации. Никакой зацепки. Будь он

проклят, этот убийца!

Сейчас, я бы многое отдал, чтобы отмотать время назад.

Или, хотя бы, поменялся с Аней местами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.